

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Василий АКСЕНОВ:

...БУДУЧИ АБСОЛЮТНО СВОБОДНЫМ

Вес. Модес. - 1999 г. - 4 № 18

Бесспорно, имена, собранные в этой небольшой, изданной в Америке в 1989 году книге, полностью оправдывают ее название — «Мастера». Автор собранных под одной обложкой интервью с известными людьми литературы и искусства, вынужденными в разное время покинуть Родину, — проживающая ныне в США литератор, журналистка Белла Езерская. Она сделала чрезвычайно полезное дело: сумела зафиксировать мысли и чувства наших соотечественников, находившихся в эмиграции в те годы, когда связь с ними почти полностью оборвалась. Сегодня, в начале 90-х, многих из них мы имеем возможность видеть и слышать и в нашей стране, и по ту сторону океана, и сейчас их голоса звучат порой несколько по-иному. Но интервью, взятые Беллой Езерской, сохраняют непреходящую культурную ценность — они часть истории нашей литературы и искусства.

Интересно, что идея создания подобной книги принадлежит мэтру американского поп-арта художнику Энди Уорхолу, и первые интервью с «мастерами» появились на страницах его журнала «Интервью магазин». Возможность же познакомить наших читателей с фрагментами книги Езерской «Мастера» любезно предоставил нам журнал «Театральная жизнь», которому автор отдал право ее публикации в нашей стране. Итак — интервью Василия АКСЕНОВА.

— Вот вы, известный советский писатель, оказались в изгнании. Не ощущаете ли вы это как трагедию?

— Нет, знаете ли, как ни странно. Конечно, мы многое потеряли. Но, с другой стороны, мы и приобрели колоссально много. Эмиграция, мне уже приходилось говорить об этом, дает писателю неожиданные преимущества. Русский писатель из атмосферы многолетней искусственной изоляции впервые попал в широкий мир. Эта неприятность, бездомность дала нам возможность вытащить нашу литературу из того болота, в которое ее затянула советская власть. Я считаю, что вообще нет лучшей судьбы для современного писателя, чем судьба космополита, Гражданина Мира.

И еще одно обстоятельство надо учесть, когда мы говорим о писателе за рубежом. В своей стране писатель превращается в некое привилегированное существо. Общество ласкает, лелеет его. Он, со своей стороны, привыкает к своему положению избранника и останавливается в своем развитии, потому что ему некуда больше стремиться. Я считаю, что писатель должен всегда ощущать сопротивление общества.

— Вы считаете, что сопротивление стимулирует?

— Безусловно. Надо начинать все сначала, проходить весь путь заново. Утверждать себя.

— К какому читателю вы собираетесь адресоваться здесь, на Западе? Там вы сами формировали его в течение двух десятилетий. Теперь он — там, а вы — здесь.

— Вы правы, каждый писатель формирует своего читателя. Мой читатель был духовно близок мне. Это был молодой интеллигент. Я его видел повсюду: в научных городах, в институтах, в Москве, в Сибири, в Крыму. Я узнавал его в лицо. И сейчас я, собственно говоря, пишу для него же. Он повзрослел, постарел, но это все тот же человек. И знает, что я заметил?

В последнее время моих читателей там становится все меньше. Я все реже различал в толпе знакомые лица. Так что можно сказать, что я уехал вслед за своим читателем.

За эти годы я был переведен на 30 языков. И меня радует, что я все чаще встречаю своего читателя в американской аудитории.

— Василий Павлович, какие причины побудили вас к эмиграции?

— КГБ предупредил меня, чтобы я не вздумал публиковать на Западе свой роман «Охог».

— А вы предполагали публикацию романа?

— Я очень долго тянул с передачей моей книги на Запад. Ведь «Охог» был написан в 75-м году! Он циркулировал в кругу близких мне людей. Потом я, наконец, решился передать, но согласия на публикацию не давал.

Так вот однажды ко мне явился двое в штатском и говорят, что они прочитали рукопись моего романа. И чтобы я не вздумал публиковать книгу на Западе. Ну а потом на эту историю наложился скандал с «Метрополем». Они почему-то считали меня главным в этой затее, хотя это было не так: я был лишь одним из организаторов «Метрополя».

— Почему их привел в ярость этот совершенно аполитичный альманах?

— Потому что это была массированная попытка прорваться через цензуру. Беспрецедентный в советской литературе случай, чтобы 23 автора, половина из которых члены Союза писателей, предприняли в обход цензуры свое собственное издание. Альманах этот был напечатан здесь в издательстве «Ардис».

— Вы считаете, что официальным путем «Метрополь» никогда не увидел бы света?

— Все всякого сомнения. Мы довольно осторожно отбирали вещи для альманаха. Мы не включили ничего с политическим, уклоном. Дескать, мы не разрушаем, а только предлагаем некоторые улучшения — вот ведь какая была главная идея. Конечно, на одиноку нам было большинство рукописей, включенных в «Метрополь» годами циркулировало по издательствам и редакциям. Например, «Ступени» Годлевской, книги национальных писателей, даже Евгению Рейчу 25 лет (!) обещали выпустить его первый поэтический альманах. Ступени не мог пройти через цензуру. Он там, а ведь это был большой поэт, один из самых больших поэтов, современной России. И говорить, даже Андрей Битов, один из самых популярных

литераторов, много и открыто печатавшийся, и тот годами не мог пробить свои лучшие вещи. Да и у меня две трети моих работ лежало в столе. Лучших работ. В журналах кое-что еще удавалось пробить, но книги не издавались.

издается при театре, была его статья, где он заявил, что посвятил эти два спектакля «России, которую мы любим».

— Какую же Россию они любят? Чехова или Аксенова?

— Они считают, что это одна

Россия.

— Скажите, пожалуйста, в чем вызван такой замысел — соединить две пьесы? И как это было осуществлено во времени и пространстве?

— Сначала, я думаю, режиссер пошел по птичьей аналогии. Чайка и цапля. Более серьезная аналогия связана с пересечением границы. Героиня «Чайки» — Нина Заречная. Само имя говорит, что она живет «за рекой».

Моя Цапля, полудевушка-полуптица, прилетает из-за границы, что для советского человека гораздо важнее, чем какое-то туманное Заречье. Меня интересовала идея свободного перехода границы, свободных контактов, свободной любви. Это проникновение на Запад, только не политическое, а, если хотите, эротическое.

А что касается постановки, то сначала состоялась премьера «Чайки», спустя несколько дней — премьера «Цапли». Шли обе пьесы в одних и тех же декорациях и занавесах в них были одни и те же актеры. В этом оформлении «Цапля» воспринималась как пародия «Чайки».

— Как вы видите свою эволюцию как писателя?

— Одно время у меня был очень интенсивный период экспериментаторства. Я искал какой-то новый язык для своих романов. Сейчас этот период я уже измежу, и никаких формальных задач перед собой не ставлю.

...В моем новом романе действие будет начинаться в Америке и уходить отсюда далеко в пятидесятые годы, в Москву, в Россию. Я хочу проследить, каким образом мы тут оказались. Я хочу разобраться в том, что происходит вокруг меня, и в себе самом. Это не исследование, я ставлю перед собой чисто беллетристическую задачу. Я стараюсь как можно дальше уйти от своего героя. Или отдалить его от себя, если хотите.

— Коль мы уж заговорили о форме — какова художественная функция мата в ваших романах?

— Я сейчас гораздо меньше увлекаюсь матом. Мат во многом был реакцией на советское притягательство. Уж очень оно раздражало. Вокруг, понимаешь, бурлит вовсю наш «великий, правдивый, могучий и свободный», а в литературе все разговаривают, как выпускники Смольного института.

Я однажды применил прием, открытый еще Солженицыным в «Иване Денисовиче»: я сконструировал слова, звучавшие, как матерные, но это не был мат. Мне просто жаль было терять эту языковую стихию.

Но с другой стороны, для меня очень важна собственная цензура. Цензура вкуса.

— А как насчет секса?

— В «Охоге» его гораздо больше. В «Острове Крым» он, я бы сказал, романтизирован.

— Вы гораздо старомоднее, чем хотите показаться в ваших романах. У меня ощущение, что вы боитесь отстать в вопросах секса от западной моды.

— «Остров Крым» я написал не здесь, а в Союзе.

— Ну, может быть, для вас сексуальная революция началась, когда вы приехали.

— (смеясь). Для меня она началась гораздо раньше. И я меньше всего думал об американской моде. Америка, кстати, очень старомодная страна. Американская литература очень отстала от моды. Она глубоко провинциальна.

— Кого вы считаете самым интересным русским писателем в эмиграции?

— Из молодых, пожалуй, Сашу Соколова. Хотя он не так уж и молод — 40 лет. Он закончил свой третий роман, два уже изданы: «Школа для дураков» и «Между собакой и волком». Его налегко читать. У него настолько густой язык, что сюжет как-то теряется в этом потоке. Он подчеркнуто элитарный писатель, Саша, и в этом его недостаток.

— Ваше отношение к советским писателям: Нагибину, Распутину, Быкову?

— Нагибин мне нравится, хотя он очень уж традиционный, спокойный. Акварелист. Василя Быкова я ставлю выше всех писателей, пишущих на военную тему. Он острее всех передал ужас войны. Распутин на я не очень люблю. Он производит на меня удручающее впечатление грамотного сочинителя. Даже лучшая его вещь — «Живи и помни» — оставляет ощущение заданности.

— А какого из «деревенщиков» вы считаете наиболее талантливым?

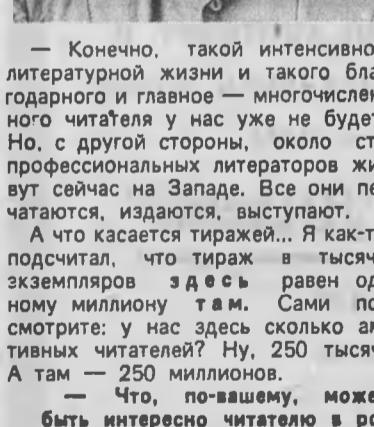
— Казакова Юрия Павловича. Он очаровывает прозой. Каждая его фраза заключает в себе что-то таинственное, заключает о советской деревне никто не писал.

— И последний вопрос: как вы представляете себе роль критика в эмиграции?

— Критикование этой необычной литературной жизни у нас в эмиграции — роль литературной критики читается. Нас мало и у нас мало критиков. Надеялся писателя языком: «Крупнейший из ныне живущих». Или: «Великий». Или еще какими-нибудь.

— Но такая нам нужна критика, художественный разговор, а разбор-контроль.

— Публикацию подготовила Елена СТЕПАНОВА.

— Конечно, такой интенсивной литераторной жизни и такого благородного и главного — многочисленного читателя у нас уже не будет. Но, с другой стороны, около ста профессиональных литераторов живут сейчас на Западе. Все они печалятся, издаются, выступают.

— Вы как-то говорили в одном интервью, что русские писатели за рубежом ведут интенсивную духовную и творческую жизнь, только вот читателей мало. Что же тогда, по-вашему, определяет интенсивность этой жизни?

— Все мы надеялись, что эти вещи будут напечатаны. То, что мы писали «в стол», мы называли смешным таким словом — «нетленка». Производное от «нетленное», то есть бессмертное. Так мы шутили: «Ну что, нетленочки много написал?».

— Вы как-то говорили в одном интервью, что русские писатели за рубежом ведут интенсивную духовную и творческую жизнь, только вот читателей мало. Что же тогда, по-вашему, определяет интенсивность этой жизни?

— Ну а потом появился «Охог». Ну а потом появился «Остров Крым». Ну а потом появился «Альманах». Ну а потом появился «Метрополь».

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это были не только писатели, это были и читатели. Их было много. Их было много.

— Но ведь это